

САЛОН РОЗЫ И КРЕСТА

Старый Тамплиер

Говоря о символах в искусстве наиболее верный способ обратиться к символизму, как направлению, использовавшему феномен символа как метод создания художественного образа. Толерантное масонство с несколько смытой и обобщенной самоидентификацией не может быть достаточной идеологической основой для возникновения своего собственного художественного метода. Однако в истории были и другие куда более нюансированные направления эзотерического толка, даже, если быть точным, отдельные личности, которые нашли в себе достаточно энтузиазма и убедительности дабы сплотить вокруг себя художников и создать, пусть не столь заметное, но художественное направление.

10 марта 1892 года в художественной галерее Дюран-Рюэль была открыта выставка Салон Розы и Креста, которая дала начало череде ежегодных мероприятий, собиравших под своей эгидой немало авторов-символистов, как художников, так и композиторов, драматургов, поэтов и писателей, в том числе Эрик Сати, композитор-розенкрейцер. Однако для того, чтобы принять участие в выставке художники не были обязаны вступать в Орден. Условия были довольно демократичными.

В предисловии к каталогу указано, что стоимость билета на вернисаж составит 20 франков. За эти деньги в то время можно было приобрести, например, рисунок Одилона Редона. 100 франков стоил абонемент на месяц, с правом привести с собой двух дам по билету. В первый день на открытие прибыло более тысячи человек, что даже по парижским меркам было очень много.

Само название Салона, как и Рыцарство Розы и Креста, невероятно интриговало публику. Тайное общество, закрытое от женщин, приоткрывало полог тайны публично и с правом женского присутствия, что было немислимо и противоречило основополагающему правилу эзотерики – быть тайным знанием.

Говоря о реакции артистического сообщества, то ли от страха быть скомпрометированными, то ли от недоверия к театральности заявленного события многие известные авторы отказались от участия: так на Салонах Розы и Креста мы не встречаем имена таких видных французских символистов как Гоген, Редон и Моро. Однако соратники-символисты Гогена в лице художников группы Понт-Авен участвовали на Салоне 1892 года в полном составе.

Организатором выставки, ее идеологическим звеном, а также автором манифеста выступил Жозефан Пеладан, или Сар Меродак, основатель Ордена Розы, Креста и Грааля (по Галтье, розенкрейцерство католического толка). Созданный зажечь сердца аудитории, манифест напоминает средневековую площадную проповедь, за которой обычно следовали еврейские погромы. С целью передать аутентичность в переводе мы сохранили авторский синтаксис и максимальную близость к источнику:

Эстетический жест

Художник, ты - священнослужитель: Искусство - великая тайна, и покуда ты стремишься к шедевру, божественный луч озаряет твое дело как освещен алтарь. О реальное присутствие божества,

распространяющееся на все эти совершенные имена: Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Бетховен и Вагнер.

Художник, ты - король: Искусство истинное царство; Покуда твоя рука проводит совершенную линию, сами херувимы спускаются, чтобы полюбоваться на нее как на отражение в зеркале.

Духовный рисунок, линия души, форма мышления, ты даешь тело нашим грезам (снам), Ника Самофракийская и Святой Иоанн, Сикстинская и Ченаколо [имеется ввиду Тайная Вечеря Леонардо да Винчи], Сент-Уан, Парсифаль, Девятая симфония, Нотр-Дам.

Художник, ты волхв: Искусство - великое чудо и доказательство нашего бессмертия.

Какие могут быть сомнения? Джотто прикоснулся к стигматам, Богоматерь явилась Фра Анжелико, а Рембрандт доказал воскрешение Лазаря.

Это абсолютные доводы против придилок педантов, мы сомневаемся в Моисее, но вот - Микеланджело. Мы отказываем Христу, но есть Леонардо. Мы все делаем земным, но Искусство незыблемо и священно продолжает возносить наши молитвы к небу.

Несказанное и ясное возвышенное, Святой Грааль всегда светит, мощевик и реликварий, непобедимая хоругвь, всемогущее Искусство, Искусство Бог, я преклоняю пред тобой колени, последний отсвет Свыше на наше гнилостное разложение.

Короли безмозглые и корыстные, стали простыми горожанами, закончив свою жизнь на мостовых городов, где прежде правил их род.

Аристократия сменила геральдические шлемы на вязаные осенние шапочки и подлизывается к черни, и того хуже, безумные, забавляются на конюшне.

Священнослужители покорно сменили свое облачение на ливреи убийц; где же теперь эти расстриги?

Все сгнило, все пришло к концу, декаданс дал трещину в основе латинского храма: и одинокий крест не соседствует более со шпагой Гиза, ружьем шуанов. Плачь Григорий VII, о величайший из пап, ты, который все спас, плачь с высоты небес, с твоего трона славы, католический Гомер, и смешивай свою злобу с отчаянием Буонаротти.

Слабый отблеск когда-то святого света, серый цвет пришел тебе на смену и усиливается... и вот орудие святой казни процветет.

Чудо, чудо, роза растет и распускается, тянется обнять своими священными листьями божественный крест: и крест утешенный вновь просияет, Иисус не проклинал этот мир, Искусство преклонит колени пред Иисусом.

Волхвы первыми прибыли к божественному Учителю, Волхвы последние, кто сохранит своих детей.

Августейший энтузиазм художника переживет угасшую набожность нашей эпохи.

Современные отверженные, ваше желание все отрицать фатально; падите ниц под тяжестью вашего безверия: ваше святотатство никогда не сотрут закон искусства, о ничтожные!

Вы можете на несколько дней закрыть двери церкви, но музея? Лувр будет местом литургии, если Нотр-Дам осквернят.

Да, Штраус отрицал, но Парсифаль утверждает; и архангел Франка своим возвышенным голосом заглушит безбожные пересуды Ренана.

Человечество, о, горожане, пойдут на мессу, где священниками будут Бах, Бетховен, Палестрина: они не смогут не уверовать в возвышенное действие.

Современные отверженные, вы никогда не одержите победы; ведь Святой Георгий, и чудище, вечный судья, это гений, и красота всегда придёт с Господом. Братья всех искусств, я взываю вас гласом воина; сплотимся в священное войско ради спасения наших идей.

Нас мало, но с нами ангелы.

Мы не имеем полководцев, но старых наставников с высоты небес, что поведут нас в Монсальват.

Наша миссия началась в день, когда сплетня стала править миром: как прекрасна кавалерия, что славит и служит Идеалу; калеки и рыбаки, будем хотя бы героями; да будет роза форм и цветов, божественных восхитительным табернаклем и искупленный крест тому потворствует.

О, ты, что колеблешься, мой брат, не иди по пути ложных представлений и недоумения, спутав огонь веры с криком фанатика.

Столь дорогая нам Церковь, единственное величие этого мира, отпугнула Розу и веру своим опасным ароматом.

Рядом с ней мы возводим храм Красоты; мы творим, оглашенные эхом молитв, соперники без борьбы, разные, но не отталкивающие друг друга; ибо художник есть священнослужитель, царь и волхв! Ибо искусство суть тайна, истинное царство, великое чудо!

Слабый отблеск когда-то святого света, серый цвет пришел тебе на смену и усиливается... и вот орудие святой казни процветет.

Чудо! чудо! роза растет и распускается, тянется обнять своими священными листьями божественный крест: и крест утешенный вновь просияет.

Иисус не проклинал этот мир.

Искусство преклонит колени пред Иисусом.

Августейший энтузиазм художника переживет угасшую набожность нашей эпохи.

Сар Пеладан

Дабы нарушить первое впечатление от манифеста, отметим, что категоричность автора по сравнению с риторикой ранних критических статей К.-Ж. Гюисманса не только вяла, но и крайне учтива к оппонентам. Зато Пеладан называет конкретные ориентиры в искусстве, которые дают нам представление о тривиальных вкусах идеолога: Бетховен, Вагнер – это романтическая составляющая эстетики Розы и Креста; Джотто, Да Винчи, Микеланджело – увлечение ренессансом, унаследованное от прерафаэлитов; Сент-Уан, Нотр-Дам – европейское средневековье, истоки рыцарства, колыбель ордена Розы и Креста.

За текстом следует печатная графика символистов. В каталог попали преимущественно знаменитые художники – Кнопфф, Швабе, Дельвиль, Сеон и Бурдель. На деле же, участников было более шестидесяти. Объединенные изобразительностью, которую сейчас принято называть стилем ар-нуво, их творчество также было связано обращением к католической символике: излюбленным темам медитаций, таких как орудия страстей христовых, смерть, женщина, страдание, искушение. Зачастую авторы использовали сложившуюся иконографию, привнося лишь свое видение образов. Однако можно встретить неожиданную тему и ее творческое разрешение, как например, «Запахи цветов» Сеона в виде парящих в вишневом саду ангелов или «Агонизирующая любовь» Бурделя с босоногой монахиней на смертном одре.

Опубликованные в каталоге произведения пронизаны темой страдания. Кураторский запал Пеладана породил эмоциональный спектр от тихой грусти до иступленной истеричности созданных символистами образов. Апогеем самолюбования Пеладана стал вернисаж, на котором он присутствовал в рыцарском облачении – выйдя к гостям в пурпурном бархате под вагнеровские фанфары. Рыцарство розенкрейцеров для многих обернулось донкихотством. Даже ближайšie соратники Пеладана из Ордена, не выдержав смехотворности происходящего, покинули его, как это сделал граф Антуан де Ларошфуко. Тем не менее, Пеладан не оставил свой замысел и еще некоторое время – до 1897 года – парижане могли любоваться католическим искусством на салонах Розы и Креста.

1. *Ordre de la Rose-Croix du Temple. Geste esthétique de 1892*, Galerie Durand-Ruel, 1892.
2. Peladan. *Les Maitres contemporains.* // *La Plume*, numero special, 15 juin 1896.
3. Charles Edward Gauss. *The Aesthetic Theories of French Artists*. Baltimore: John Hopkins Paperback, 1966. P. 53.
4. A.Mercier. *Les sources esoteriques et occultes de la poesie symboliste (1870-1914)*. T1. Paris, 1969. P. 186.
5. Leonce de Larmandie. *Notes de psychologie contemporaine. L'Entracte ideal. Histoire de la Rose-Croix*, Paris, 1903.
6. Ж.Галтье. *Сыны Калиостро. Египетское масонство, розенкрейцерство и новое рыцарство*. М.: Ганга, 2012.
7. А.Перрюшо. А.Воллар. *Таможенник Руссо. Воспоминания торговца картинами*. М.: Радуга, 1996.
8. В.А. Крючкова. *Символизм в изобразительном искусстве*. М., 1994.